

К ПРОБЛЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Учение В. И. Вернадского о ноосфере, философские идеи Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского, В. Н. Муравьева и др., а вслед за ними и появление конкретных дисциплин, таких как семиотика, теория систем, синергетика, создают предпосылки нового единства знания и, более того, нового способа знания, глобального по своему охвату и универсального по своему методу. Намечающиеся контуры такого способа позволяют предположить, что в его рамках целокупная реальность, и чувственная и духовная, могла бы описываться по образцу многоуровневой иерархической системы, причем единый каркас описания создавался бы путем универсальных структурных парадигм, прослеживаемых во всех уровнях реальности, где сложность организации достаточна для их наличия.

Подобная методика, находящая принцип единства реальности в универсальности конкретных смыслоносных структур, развита и применяется в многочисленных направлениях структурного подхода. Однако весь этот подход в целом несет в себе внутреннее ограничение или онтологический постулат: он предполагает статическую картину бытия, неизменность сущностного строения реальности. Структурализм — статика структур. С другой стороны, динамические представления о реальности долго не знали таких принципов, которые доставляли бы и общую идею глобального единства реальности и метод ее предметного проведения; динамические концепции в физике, биологии, философии, богословии, мистике были разнохарактерны и несвязны. Лишь в последнее время появление подобных принципов делается практической возможностью. Разработка таких понятий как самоорганизация и самоподобие, неуклонное расширение сферы их применения ведут к убеждению, что динамика реальности, по меньшей мере, на уровнях с достаточно сложной организацией, также носит парадигмальный характер: как существуют статические структурные парадигмы, исследуемые в структурализме, так равно существуют и динамические структурные парадигмы, элементарные блоки динамики, воспроизводящиеся на разных уровнях и в разных (часто глубоко разных) процессах.

Примеров динамических парадигм в различных сферах реальности известно уже немало. К систематической организации на

базе таких парадигм сегодня наиболее приближаются синергетика и этология. Структуры хаоса, выявляемые в первой, и структуры поведения, выявляемые во второй, имеют, безусловно, динамическую природу. И речь идет о том, чтобы глобально обобщить их подход, выявить динамические парадигмы наиболее высокой универсальности и проследить, как они, реализуясь в разных областях и на разных уровнях, пронизывают и организуют собой целокупную реальность, трактуемую динамически. В качестве простой иллюстрации укажем явление сверхстимула в этологии (Тинберген: «если предложить чайке на выбор: высидывать яйцо нормального размера или же увеличенное, она предпочтет последнее»). Заключение в нем парадигма стремления к преизбытку, к непомерному и чрезмерному, без труда прослеживается на многих уровнях, из которых интересно отметить наиболее отдаленные от исходного: в сфере духовной жизни она реализуется в романтическом и богорборческом жизненчувствии («героический восторг» Дж. Бруно, «жизнь, льющаяся через край» Л. Тика и др.). В совокупности своих реализаций, эта динамическая парадигма может быть квалифицирована как *парадигма восторга*.

Динамическая трактовка реальности предполагает, что каждый ее уровень имеет определенную динамику, т. е. претерпевает процесс, в котором изменяет свои определяющие признаки, испытывает сущностную трансформацию. Судьба сухого — онтологическое превращение, претворение в иное себе. Поскольку же каждый уровень реальности понимается как сущностно автономное, самодовлеющее, то это превращение есть само-превращение, само-преодоление сущим своего определения, само-превосхождение, трансцендирование. Это и есть первая и главная из всех динамических парадигм; и онтология определяется как изучение этой парадигмы, *универсальная теория трансцендирования*.

По определению, каждому уровню реальности отвечает своя реализация парадигмы трансцендирования. Одна из этих реализаций выделяется особо: это — трансцендирование всего горизонта здешнего бытия в целом. Онтологически иное (инобытие) здешнему бытию, искомое его трансцендирования, именуют совершенным или божественным бытием (Богом), само же трансцендирование здешнего бытия именуется *теозисом* или *обожением*. Как обосновывается в фундаментальной онтологии Хайдеггера, в своем онтологическом определении, как род сухого, здешнее бытие отождествляется с бытием человека; другое обоснование этого дает патристическая концепция человека как микрокосма. Отсюда, обожение здешнего бытия онтологически тождественно обожению человека. Фундаментальный предикат здешнего бытия определяется как конечность, его ключевое проявление в бытии человека —

смертность (смерть). Поэтому обожение есть преодоление конечности и смерти. Этот вывод позволяет увидеть основания для предпочтения динамической картины бытия статической: в конечном итоге, это предпочтение зиждется на единственном, однако весомом факте — на неприятии человеком смерти и стремлении к ее *актуальному* преодолению.

Реализации парадигмы трансцендирования разнятся по своему характеру. Ключевым различием является таковое по степени заданности, детерминированности онтологической динамики (ОД). С ростом сложности организации уровней их ОД начинает допускать варианты, ветвления: различные сценарии. Убывая, степень ее детерминированности достигает того, что индетерминированным становится и сам ее исход. В этом случае мы говорим, что соответствующий род сущего обладает *открытостью*. Открытость характерна для уровней живого. Для бытия человека — и, значит, для онтологически тождественного ему здесь-бытия в целом — открытость принимает высшую форму *свободы*: в этом случае само наличие ОД, осуществление или оставление самопревосхождения, есть в каждый миг — вопрос собственного решения человека. Свобода, однако, не может быть единственным фактором, определяющим ОД. Постольку, поскольку ОД существует, она есть динамика претворения в иное — и, тем самым, направлена, устремлена к иному. Иное оказывается началом, упорядочивающим энергии (активности, интенции) человека, ориентируя их к осуществлению самопревосхождения. Другими словами, иное энергично присутствует и действует в здешнем бытии. Это энергичное действие именуется *благодатью*. В итоге, обожение определяют два фактора: благодать и свобода. Его осуществление требует определенной согласованности этих факторов, их гармонического сочетания, которое называется *синергией* и достижение которого составляет предмет мистико-аскетической практики, развитой, в первую очередь, исихастской традицией в православии. Ключевая особенность обожения в том, что за счет свободы достижение синергии не может быть устойчивым, самовоспроизводящимся: это есть динамика непредсказуемых извне утрат и восстановлений синергии, описываемая в аскетических категориях страсти (страстного состояния), греха и покаяния.

Дальнейшего уяснения открытой и синергичной ОД позволяют достичь понятия установочного ряда, такие как устремленность, настройка, фокусировка, и им полярные — стохастичность, нестройность, расфокусированность. Синергия означает направленную собранность, сфокусированность здешнего бытия, однако особую, экзотическую, когда фокус — вне данного онтологического горизонта. Конечному же имманентны неслаженность и расфокусированность,

проникающие своими эффектами все уровни сущего. Виды, механизмы такого рода эффектов очень разнообразны. Как раз сюда, в частности, относится, как один из видов, и парадигма восторга. Далее, к разряду крайних, предельных случаев принадлежит обширная группа явлений, где налицо бесплодное расточение энергий, их самоцельное излияние и рассеяние. Подобные явления особенно наглядны в поведении человека: таковы пьянство, мастурбация, спортивное боление и другая активность, вызываемая жадой *азарта*. Существуют, однако, и более крайние виды расфокусированности — саморазрушительные стратегии. В сфере психологии расфокусированность обнаруживается явлениями тоски, томления, скуки; на уровне биосистем — генетическими дефектами, тупиками эволюции и др. Общее положение о несфокусированности биосистем было недавно сформулировано Ф. Жакобом под именем «парадигмы жестящика», подчеркивающим «кустарный», несовершенный и приблизительный характер биологических механизмов, которые постоянно приспособляются к наличным обстоятельствам, к доступным материалам и средствам. В ряду эффектов фокусирования отметим феномен *группировки*: так в воднопрыжковом спорте называют особую организацию, компактно-нацеленное собирание всех органов и мышц организма, готовящее и приспособляющее организм к скоростному вхождению в среду с радикально иными свойствами. Здесь можно также видеть зерно некоторой динамической парадигмы.

Итак, динамика обожения специфична, прежде всего, особым «синергичным» сочетанием заданности и незаданности, телеологизма и произвола. Умаление фактора свободы уклоняет эту динамику в телеологический процесс (типа онтологического эволюционизма о. Тейяра), умаление же фактора благодати лишает ее статуса ОД, сводит к простой реализации энергий (типа «жизненного порыва» Бергсона). Это специфическое сочетание имеет свой коррелят на биологическом уровне. Действительно, для существования особи как чистой единичности, ОД (претворение в инобытие) есть порождение иной, отличной от себя особи. Фактором заданности, детерминизма (и аналогом благодати) здесь выступают половые механизмы, обусловленные генетикой организма (сам же генетический код в этой картине вешей есть непосредственно — бог как податель благодати); фактор незаданности (и аналог свободы) — случайность обстоятельств и состояний особи, и осуществление «трансцендирования» требует определенного сочетания, согласованности этих факторов, которое и достигается в феноменах полового возбуждения. Синергия, таким образом, имеет биологический коррелят в феномене эрекции; и мы можем говорить о них как о реализациях еще одной динамической парадигмы, которая прямее

и ближе остальных связана с трансцендированием и может быть названа парадигмой (экстатической) фокусировки.

Структурно-динамическая параллель между половым влечением и онтологическим трансцендированием отражена в общем для них понятии экстаза и акцентирована во многих мистических традициях. Для античного мирозерцания с его онтологией единого бытия эта параллель естественно превращается в слияние, тождество. Как ярко видим хотя бы в «Пире» Платона, единый Эрос действует и в плотской любви, и в устремлении к бессмертной Красоте, к миру богов. Напротив, мистика Православия отчетливо избегает параллелей и образов из любовно-эротической сферы. Такая позиция догматически оправдана. Согласно православному догмату, соединение Бога и человека совершается по энергии. Именно данный род соединения мы и описывали выше, и именно к нему относится понятие синергии — а, стало быть, и только что указанная биологическая параллель. Но, будучи динамической параллелью, она означает известное подобие не каких-либо образных элементов, но только лишь — *строения множества всех энергий*. Иными словами, параллель стихий (плотского) эроса и теозиса — существует, однако она принципиально безобразна. И употреблять язык (ассоциации, образы) первой для передачи опыта второй есть искажение этого опыта — «прелесть». В силу этого, православной религиозности чужда, к примеру, значительная доля католической мистики, в особенности, мистики женской. То же относится и к религиозному искусству католицизма, как отмечал о. Сергей Булгаков.

Изложенные идеи рожают широкий круг вопросов, возражений и дальнейших задач. Они могут иметь продолжение и приложение в весьма разных направлениях; наиболее существенным представляется развитие ОД, рассматривающей в их корреляции оба крайних уровня, биологический и мистический, между которыми заключен феномен человека.